

Научная статья
УДК 94(470+519)
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-6-1516-1527>

О договорно-правовых аспектах российско-южнокорейских военно-политических связей в 1991–2022 гг.

Алексей Владимирович Малолетко

ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Российская Федерация, г. Москва, пр-кт Вернадского, 76
al2628319@gmail.com

Аннотация

Актуальность. Интерес представляют особенности подходов двух стран к формированию договорно-правовой основы сотрудничества по военной линии, которые влияли на его уровень и содержание. Цель исследования – рассмотреть договорно-правовые аспекты процесса эволюции военно-политических связей между Россией и Республикой Корея (РК) в 1991–2022 гг.

Материалы и методы. Привлечены материалы Архива внешней политики Российской Федерации, а также исследования российских и южнокорейских ученых, в которых затрагиваются вопросы договорно-правового обеспечения взаимодействия Москвы и Сеула в военно-политической и военно-технической областях. Наряду с общенаучными методами, такими как системный исторический анализ, использовались сравнительно-исторический и аксиологический методы, а также метод системно-функционального анализа военно-политических отношений как целостной системы, развивающейся в условиях воздействия внешних факторов.

Результаты исследования. Выяснено, что военно-политический диалог между РФ и РК строился, прежде всего, с опорой на меморандумы о взаимопонимании в сфере военно-дипломатических обменов. Были также заключены единичные соглашения, в том числе в области военно-технического сотрудничества (ВТС), способствовавшие налаживанию практической кооперации. В то же время Сеул воздерживался от принятия документов, имевших принципиальное значение для придания двусторонним военным связям устойчивого положительного импульса.

Выводы. Основу отношений между Россией и РК по военной линии в отсутствие соглашений, определявших долгосрочные цели сотрудничества, составляла весьма хрупкая и фрагментарная договорно-правовая база. Это обстоятельство, в итоге, обусловило подверженность двусторонних военно-политических связей деструктивному влиянию внешних факторов.

Ключевые слова: Россия, Республика Корея, военно-политические связи, военно-техническое сотрудничество, договорно-правовая база, соглашения, военно-дипломатические контакты

Финансирование. Финансирование работы отсутствовало.

Вклад автора: А.В. Малолетко – идея, разработка концепции исследования, введение в научный оборот новых архивных источников, систематизация опубликованных источников по теме, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Малолетко А.В. О договорно-правовых аспектах российско-южнокорейских военно-политических связей в 1991–2022 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 30. № 6. С. 1516-1527. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-6-1516-1527>

Original article
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-6-1516-1527>

On contractual and legal aspects of Russian-South Korean military-political relations in 1991–2022

Alexey V. Maloletko

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, 119454, Russian Federation
al2628319@gmail.com

Abstract

Importance. The purpose of the study is to consider the legal aspects of the process of evolution of military-political relations between Russia and the Republic of Korea (ROK) in 1991–2022. Of interest are the peculiarities of the approaches of the two countries to the formation of the legal basis for military cooperation, which influenced its level and content.

Materials and Methods. The materials of the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation are used, as well as studies of Russian and South Korean scientists, which examine issues of legal support for the cooperation between Moscow and Seoul in the military-political and military-technical spheres. Along with general scientific methods, such as systemic historical analysis, comparative-historical and axiological methods were used, as well as the method of systemic-functional analysis of military-political relations as an integral system developing under the influence of external factors.

Results and Discussion. It was found that the military-political dialogue between the Russian Federation and the Republic of Korea was built primarily on the basis of memoranda of understanding on the field of military-diplomatic exchanges. Some agreements were also signed, including in the area of military-technical cooperation (MTC), which contributed to the establishment of practical cooperation. At the same time, Seoul refrained from conclusion of documents that were of fundamental importance for giving bilateral military ties a sustainable positive impetus.

Conclusion. The basis of relations between Russia and the Republic of Korea in the military field, in the absence of agreements defining long-term goals for cooperation, was built on a very fragile and fragmentary legal framework. This circumstance, ultimately, determined the susceptibility of bilateral military and political relations to the destructive influence of external factors.

Keywords: Russia, Republic of Korea, military-political relations, military-technical cooperation, legal framework, agreements, military-diplomatic contacts

Funding. The study had no external funding.

Author's Contribution: A.V. Maloletko – idea, research concept development, introduction of new archival sources into scientific circulation, systematization of published sources on the topic, writing – original draft preparation.

Conflict of Interests. The author declares no conflict of interests.

For citation: Maloletko, A.V. (2025). On contractual and legal aspects of Russian-South Korean military-political relations in 1991–2022. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 30, no. 6, pp. 1516-1527. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-6-1516-1527>

АКТУАЛЬНОСТЬ

В статье рассматривается процесс развития между СССР, затем ее правопреемницей Россией и Республикой Корея военно-политических связей в период с их возникновения в 1990 г. после установления дипотношений и до полной заморозки в 2022 г. после начала Российской Федерацией специальной военной операции (СВО) на Украине. Целью исследования является изучение позиции руководства РФ и РК по вопросу об институционализации взаимодействия по военной линии, анализ важных договорно-правовых аспектов, от которых зависели перспективы углубления военно-политического диалога, налаживания и диверсификации направлений военно-технической кооперации.

Россия и Республика Корея уделяли существенное внимание согласованию планов военно-дипломатических контактов в интересах придания регулярности военным связям между оборонными ведомствами. Появились отдельные межминистерские соглашения, свидетельствовавшие о постепенном наращивании договорно-правовой основы для последующего перевода военно-политического сотрудничества в более высокое качество. Предпринимались попытки наполнить двустороннее взаимодействие в военно-технической сфере путем разработки необходимой для реализации конкретных проектов нормативно-правовой базы.

Активизация Россией в начале 2010-х гг. мер по укреплению всесторонних связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в рамках реализации политики «поворота на Восток» диктовала РФ целесообразность дальнейших усилий по укреплению

добрососедского партнерства с одной из ведущих азиатских стран – РК¹, в том числе по повышению уровня доверия в военной области [1; 2]. С учетом этого в работе изучались причины избирательной реакции Сеула на предложения Москвы по расширению нормативной базы контактов в этой сфере. Южнокорейцы поддерживали некоторые российские инициативы по разработке новых соглашений, однако, в большинстве случаев проявляли инертность или даже уклонялись от включения вопросов согласования проектов совместных документов в повестку экспертных консультаций.

Актуальность исследования заключается также в определении степени значимости договорно-правового фактора в комплексе обстоятельств, которые обусловили фактически одномоментное сворачивание Сеулом военно-политических связей с Москвой в феврале 2022 г. Сделанные выводы, как представляется, могут быть полезными для их учета РФ в случае рассмотрения вопроса о восстановлении полноформатных двусторонних отношений, в том числе возобновлении сотрудничества по военной линии.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование опиралось на материалы Архива внешней политики Российской Федерации, содержание которых позволяет сформировать представление о предпринимавшихся правительством России, в том числе МИД Российской Федерации совмест-

¹ «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы / под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова, Е.В. Колдуновой. Москва: Аспект Пресс, 2023. 256 с.

но с другими государственными ведомствами усилий по договорно-правовому сопровождению процесса налаживания и развития связей между Россией и Республикой Корея по военной линии. Отдельное внимание уделялось изучению записей бесед российских официальных представителей с южнокорейскими визави, в которых отражены подходы Москвы и Сеула к вопросам разработки договорной базы для того или иного сегмента военно-политического взаимодействия.

Привлекались работы российских и южнокорейских ученых и военных экспертов, в которых проводится анализ эффективности функционирования военно-политического диалога и военно-технического сотрудничества на различных этапах развития двусторонних отношений, а также высказываются аргументированные прогнозы в отношении перспектив углубления кооперации в отдельных сегментах военных связей с учетом достигнутого уровня их договорно-правового оформления.

Научную основу исследования составляет общенациональный метод системного исторического анализа. Использовался сравнительно-исторический метод для изучения видоизменений, которые претерпевали военно-политические отношения по мере их институционализации, и аксиологический метод, позволивший рассматривать подходы Российской Федерации и Республики Корея к определению целесообразности разработки договорной базы связей по военной линии с точки зрения ее соответствия национальным интересам. Применялся также метод системно-функционального анализа для оценки глубины воздействия внешней среды, прежде всего, факторов экспортноориентированности военной политики Сеула и приоритетности стратегического альянса с США в рамках реализации планов военного строительства, на работу по укреплению договорно-правовой основы российско-южнокорейских военно-политических отношений как целостной системы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Военно-политические связи между СССР и Республикой Корея начали формироваться в 1990 г. после установления дипломатических практических «с белого листа».

На начальном этапе стороны руководствовались общими положениями Декларации об общих принципах отношений между СССР и Республикой Корея, в которой заявляется о «решимости строить отношения в духе добрососедства, доверия и сотрудничества», для чего предусматривалось заключить «межгосударственные соглашения, направленные на установление и совершенствование связей и контактов»². Этого документа было достаточно для открытия в столицах двух стран в сентябре–октябре 1991 г. аппаратов военного атташе и организации взаимных разовых поездок делегаций представителей оборонных ведомств [3, с. 53].

Первый инициативный шаг по договорно-правовому наполнению связей по военной линии был сделан Россией в ходе визита в РК военной делегации РФ во главе с первым замминистра обороны А.А. Кокошиным в октябре 1992 г. В интересах налаживания полномасштабного военного сотрудничества южнокорейцам был передан проект Соглашения, определяющий способы защиты секретной военной информации и материалов, получаемых в ходе двустороннего сотрудничества. В последующем, рассмотрение проекта данного документа было отложено, так как он, по оценке МИД РФ, требовал тщательной доработки³. В то же время инициирование Москвой темы юридического оформления взаимодействия между военными ведомствами продемонстрировало настрой РФ на развитие военно-политических связей.

² Декларация об общих принципах отношений между СССР и Республикой Корея (принята в г. Москве 14.12.1990) // Правовая Россия. URL: <https://laws-russia.narod.ru/fed1991/data02/tex12192.htm> (дата обращения: 23.06.2025).

³ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 883. Оп. 4. Папка 7. Д. 5. Л. 14-15, 34.

Важное место в процессе развития военно-политического диалога заняло заключение в рамках госвизита в Сеул президента РФ Б.Н. Ельцина в ноябре 1992 г. Договора об основах отношений [4, с. 104] – появилась опора для формирования нормативно-правовой базы военных связей. В ходе межведомственного согласования проекта данного Договора осторожность проявил Генштаб ВС России. В результате учета его позиции из документа был изъят пункт, предусматривающий «обмен технологиями в области ядерных исследований»⁴. Очевидно, начальный этап двусторонних отношений, не обеспечивавший необходимого уровня взаимного доверия, удерживал российское военное руководство от закрепления в основополагающем документе своей принципиальной готовности к сотрудничеству с Сеулом в столь деликатной сфере, как ядерная.

В то же время попытки Москвы воспользоваться визитом Б.Н. Ельцина в Сеул и продвинуться в вопросе институционализации военно-политических связей натолкнулись на существенные сложности с согласованием с южнокорейцами проектов соглашений в конкретных областях. Преодолеть их не получилось, несмотря на имеющиеся принципиальные договоренности между министрами иностранных дел двух стран. Так, планировалось приурочить к визиту президента РФ в РК подписание Соглашения о предотвращении инцидентов на море за пределами территориальных вод, подготовка проекта которого была поручена Главному штабу ВМФ России в августе 1992 г. Начальник Генштаба ВС России В.П. Дубынин в служебной переписке с руководством МИД РФ предлагал также «внести на рассмотрение... с корейской стороной проект Соглашения о предотвращении опасной военной деятельности...»⁵. Указанные трудности, вероятно, были вызваны отсутствием наработанной практики договорно-правового взаимодействия, а

также недостаточно глубоким на тот момент уровнем доверия в военной области.

На полях упомянутого саммита министр обороны России П.А. Грачев и глава Минобороны РК Чхве Сечхан впервые подписали Меморандум о взаимопонимании по вопросу о военных обменах [5, р. 153]. Предусматривался обмен опытом обучения офицерского состава, поездки делегаций и взаимное приглашение наблюдателей на военные учения. Не масштабные, но практические шаги были призваны способствовать повышению уровня доверия и создавать атмосферу положительного настроя Москвы и Сеула на совместную проработку идей по улучшению военно-политической обстановки в АТР⁶.

Усилия РФ и РК по приданию системности контактам по военной линии результировались подписанием в июне 1994 г. в рамках визита в Россию президента РК Ким Ёнсама Межправсоглашения о предотвращении инцидентов на море за пределами территориальных вод⁷. Появление этого документа способствовало появлению формата ежегодных обзорных конференций по военно-морской линии по вопросам имплементации его положений.

С 28 апреля по 3 мая 1994 г. состоялся первый визит в Россию главы Минобороны РК. Руководители оборонных ведомств П.А. Грачев и Ли Бёнхэ подписали новый Меморандум о взаимопонимании по вопросам военных обменов на текущий и следующий годы. Следует отметить, что такие меморандумы в последующем стали заключаться на каждые два последующих года и до 2014 г. составляли договорно-правовую основу военно-политического диалога, способствуя обеспечению его регулярности и наполнению дружественными военно-диплома-

⁶ Россия переносит внимание на азиатско-тихоокеанский регион // Коммерсант. 21.11.1992. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/30695?ysclid=m77t7bnv452296699> (дата обращения: 16.01.2025).

⁷ Соглашение о предотвращении инцидентов на море за пределами территориальных вод // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: <https://docs.cntd.ru/document/564112304>. (дата обращения: 27.02.2024).

⁴ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 883. Оп. 3. Папка 5. Д. 5. Л. 140.

⁵ Там же. Л. 221.

тическими мероприятиями. Такие документы имели стандартное протокольное содержание, однако некоторые из этого ряда выделялись.

В частности, Меморандуму, заключенному министрами обороны РФ и РК И.Н. Родионовым и Ким Дончжином 4 ноября 1996 г. в Москве, южнокорейская сторона постаралась придать значимость документа, который «откроет возможности для развития полномасштабных российско-южнокорейских обменов в военной области и одновременно будет служить тормозом для укрепления российско-северокорейских отношений»⁸. По сведениям из Национального Архива РК, руководство Минобороны РК в 1996 г. пришло к выводу о том, что «Россия... стала предпринимать усилия по восстановлению своего влияния на вопросы безопасности региона, в том числе путем проведения политики шагов навстречу КНДР»⁹. В этой связи документ, по замыслу южнокорейских военных, должен был стать свидетельством выхода военно-политических отношений с РФ на более глубокий уровень и имел своей целью усилить давление на КНДР и удержать консервативные элиты России от шагов по развороту в прошлое и восстановлению особых отношений с Пхеньяном.

Ситуация с Меморандумом показывает попытки Сеула использовать процесс укрепления договорной базы военно-политического диалога с Москвой для того, чтобы помешать ее линии на возобновление полновесного сотрудничества с Пхеньяном, и убедительно свидетельствует о том, что развитие РК военно-политических связей с РФ в значительной степени рассматривались через призму привлечения последней на свою сто-

рону в межкорейском противостоянии [6, с. 409].

В целом, по содержанию меморандумов можно было убедиться в «отсутствии серьезных противоречий в области двустороннего военно-политического диалога» [7, р. 433], а также отслеживать протокольные шаги, направленные на их поступательное углубление. Например, об этом говорило зафиксированное в Меморандуме по итогам визита в РК министра обороны РФ И.Д. Сергеева в сентябре 1999 г. решение об увеличении интенсивности межминистерских рабочих консультаций по оборонной политике с одного до двух раундов ежегодно¹⁰.

Укреплению договорной основы двусторонних связей по военной линии в определенной степени способствовал государственный визит в Сеул 26–28 февраля 2001 г. Президента России В.В. Путина. Так, без оглашения в печати было подписано Соглашение о защите классифицированной военной информации, хотя южнокорейцы и пытались отложить это мероприятие из опасений, что «подписание данного документа может вызвать нежелательную реакцию со стороны Пхеньяна с учетом планировавшегося ответного визита руководителя КНДР Ким Чен Ира в Южную Корею»¹¹.

Еще через полтора года, после более десяти лет согласований, главы оборонных ведомств Южной Кореи и РФ подписали Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея о предотвращении опасной военной деятельности¹².

Появление в разные годы вышеупомянутых соглашений, однако, не создавало впечатления о целостности и системности развития двустороннего военно-политического партнерства [8, с. 471], что можно было объ-

⁸ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 883. Оп. 7. Папка 13. Д. 7. Л. 35.

⁹ Han Roh kunsa hyeopruyeok yanghaegakseo (Moscow) [Корейско-Российский Меморандум о взаимопонимании о военном сотрудничестве (Москва)] // Национальный архив Республики Корея. 01.12.2006. URL: <https://www.archives.go.kr/next/search/listSubjectDescription.do?id=002931&pageFlag=&sitePage=> (дата обращения: 12.06.2024).

¹⁰ Сергеев защитит Сеул от Пхеньяна // Коммерсант. 03.09.1999. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/224858>. (дата обращения: 14.04.2024).

¹¹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 883. Оп. 12. Папка 28. Д. 4. Л. 5.

¹² РФ и Южная Корея подписали военный договор // Коммерсант. 11.11.2002. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/953165> (дата обращения: 15.03.2025).

яснить отсутствием двустороннего соглашения о сотрудничестве в военной сфере, которое могло бы рассматриваться в качестве стержневого компонента конструкции военно-политических связей. Такое соглашение было подготовлено и одобрено правительством России только в ноябре 2013 г. с последующим поручением министерству обороны завершить необходимые подготовительные процедуры с корейской стороной¹³.

Данное соглашение могло быть заключено в ходе намеченной на март–апрель 2014 г. поездки в РК министра обороны России С.К. Шойгу, став отправной точкой нового этапа военного диалога. Однако вследствие осложнения международной обстановки после госпереворота на Украине в феврале 2014 г. и принятия в марте того же года Республики Крым в состав Российской Федерации в южнокорейском руководстве сочли проведение этого визита несвоевременным. Только в 2021 г., когда диалог между военными ведомствами был восстановлен¹⁴, замминистра обороны России А.Ю. Фомин и его визави Пак Джэмин подписали Соглашение о сотрудничестве в области обороны¹⁵.

Этот документ, с одной стороны, стал первым такого уровня в истории двусторонних военно-политических отношений. С другой – данное соглашение сложно назвать содержательно глубоким, поскольку оно наполнено исключительно общими обтекаемыми формулировками о намерениях осущес-

твлять «обмен опытом», «обмен мнениями и знаниями» при том понимании, что обмен (опытом и т. д.) – это результат деятельности, а о самих мероприятиях практического взаимодействия в документе почти не упоминается. В документе также следовало бы внести ясность относительно временных ориентиров сотрудничества.

Однако, несмотря на отмеченные недостатки, сам факт подписания Москвой и Сеулом *межправительственного* документа о сотрудничестве в оборонной сфере имеет принципиальную важность. Тем самым организация взаимодействия в оборонном сегменте поднималась из трека межведомственных связей, регулировавшихся отдельными меморандумами по линии министерств обороны, на правительственный уровень. Как подчеркивает И.В. Дьячков, даже скромные достижения следует воспринимать как весьма ценные, ставшие возможными в условиях разного рода сдерживающих факторов, а временами – и неприкрыто противодействия [2, с. 42]. Южнокорейские ученые-русисты поддерживают такое мнение, отмечая, что данное Соглашение носит всеобъемлющий характер, закладывая основу для практического сотрудничества [9, р. 132].

Таким образом, сформированная к 2022 г. договорно-правовая база военно-политического диалога представляла собой откровенно непрочную конструкцию. Она позволяла в рамках различного уровня консультаций регулярно проводить обмен мнениями по темам взаимной заинтересованности, а также включала в себя пару стандартных соглашений, «со скрипом» заключенных еще в 1994 и 2002 гг., наличие которых являлось аргументом в пользу положительных результатов усилий двух стран по укреплению договорно-правового фундамента связей в военной области. Документы, отражающие намерения Москвы и Сеула по достижению в ходе совместной деятельности согласованных долгосрочных целей, отсутствовали.

Военно-техническое сотрудничество между Россией и РК также характеризовалось появлением отдельных документально

¹³ Проект Соглашения между Правительством РФ и Правительством Республики Корея о военном сотрудничестве. 10.11.2013 // Российская газета. 11.10.2013. URL: <https://rg.ru/documents/2013/11/11/korean-vs-site-dok.html> (дата обращения: 15.03.2024).

¹⁴ Замминистра обороны РФ генерал-полковник Александр Фомин совершил рабочий визит в Республику Корея // Министерство обороны России. 29.03.2021. URL: https://z.mil.ru/spec_mil_oper/brief/humanitarian_response/more.htm?id=12351400@egNews (дата обращения: 24.04.2025).

¹⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея о сотрудничестве в области обороны // МИД России. 29.03.2021. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/60080/ (дата обращения: 22.04.2025).

оформленных договоренностей, требовавшихся для конкретных проектов, но не имевших концептуальной содержательности.

ВТС осуществлялось, главным образом, в рамках двух этапов программы «Бурый медведь», предусматривавшей поставки в РК вооружений и военной техники (ВиВТ) в счет урегулирования советской задолженности перед Сеулом. В июле 1995 г. было подписано соглашение о частичном погашении советского долга, составлявшего на тот период 1,47 млрд долл. США, путем экспорта Сеулу ПВН и промышленного сырья (проект «Бурый медведь-1»)¹⁶. В последующем, однако, условия каждой поставки, от ее сроков до стоимости продукции, согласовывались отдельно.

С 1994 г. российская и южнокорейская стороны работали над проектом Межправсоглашения о ВТС, подписать которое удалось в ноябре 1997 г.¹⁷, когда «Бурый медведь-1» уже шел полным ходом. Российские ведомства подошли скрупулезно к вопросу определения параметров этого соглашения, проявив повышенную осторожность в вопросе передачи южнокорейским партнерам лицензий и технологий. Так, МИД России подчеркивал, что «в случае с РК передача лицензий как ведущее направление ВТС может обернуться снижением наших собственных возможностей по продаже оружия на рынках АТР в будущем и содействовать превращению РК в серьезного конкурента России»¹⁸. С учетом Генштабу ВС РФ, готовившему про-

¹⁶ *Seo Jongyeol. Don daeshin padeun mugi, 'pulgomsaeop'eul ashinayo? [Со Чжонёль. Оружие вместо денег. Знаете о проекте «Бурый медведь»?]* // Global Economic. 13.03.2022. URL: https://www.g-enews.com/article/Industry/2022/03/20220313164249733514fb262fc_1 (дата обращения: 07.02.2024).

¹⁷ *Daehanminguk jeongbuwa Rosiayeonbang jeongbuganui kunsakisulpunya, pangsan mit kunsuhyeorgyeoke kwanhan hyeorgeong* [Соглашение между Правительством Республики Корея и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в военно-технической области, оборонной промышленности и военном снабжении 20.11.1997] // Kukka reopreong jeongbo center. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/trtyBInfoP.do?trtySeq=1171> (дата обращения: 18.03.2025)

¹⁸ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 883. Оп. 5. Папка 11. Д. 10. Л. 16.

ект соглашения, рекомендовалось поставить пункт о продаже корейцам лицензий на производство вооружения и оказания технического содействия в организации его производства на одно из последних мест в списке направлений развития ВТС.

Наряду с этим важным для РФ стало включение в документ пункта о том, что «стороны не будут без предварительного взаимного письменного согласия продавать или передавать третьей стороне вооружения и военную технику, техническую документацию, а также другую информацию или материалы, полученные или приобретенные в результате военно-технического сотрудничества»¹⁹. Это приобрело особую значимость после начала в 2022 г. СВО на Украине. Сеул не пошел на нарушение данного соглашения и передачу Киеву вооружений, импортированных из РФ, несмотря на постоянный прессинг со стороны Запада.

Дальнейшее взаимодействие по договорно-правовому обеспечению ВТС больше выглядело как затягивание южнокорейцами переговоров.

В ноябре 2000 г. в Сеуле состоялось 1-е заседание Совместной межправкомиссии по вопросам сотрудничества в военно-технической области. По его итогам было решено начать проработку второго этапа проекта «Бурый медведь» по закупке российского специмущества на сумму 700 млн долл. США на условиях частичного погашения задолженности²⁰. Поскольку значительная часть продукции, которую предполагалось поставлять в рамках сотрудничества в этой сфере, имела двойное назначение, соответствующий Протокол о намерениях был в феврале 2001 г. подписан не министрами обороны, а гражданскими лицами – вице-премьерами²¹.

Сразу же после этого российское внешнеполитическое ведомство стало настойчиво

¹⁹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 883. Оп. 7. Папка 13. Д. 8. Л. 98-99.

²⁰ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 883. Оп. 12. Папка 29. Д. 11. Л. 25.

²¹ Там же. Л. 5.

побуждать РК к активизации мер по исполнению утвержденных планов. Южнокорейским дипломатам подчеркивалось, что РФ «видит главную задачу в реализации зафиксированной в феврале с.г. договоренности о закупке Сеулом российской продукции военного назначения с тем, чтобы к концу года подписать соответствующие контракты»²². Указывалось на целесообразность «ускорения ответа на российские предложения по номенклатуре возможных поставок»²³. Согласование параметров «Бурого медведя-2», однако, было завершено только в декабре 2002 г.

Обращает на себя внимание также фактическое уклонение южнокорейцев от заключения продвигавшегося РФ с 2001 г. Соглашения о взаимной охране прав на результаты интеллектуальной деятельности, используемые и полученные в ходе двустороннего ВТС. Аргументы Москвы в пользу того, что такой документ позволит Москве при рассмотрении вопросов передачи Сеулу военных технологий исходить из наличия соответствующих правительственные гарантий, воспринимались партнерами как малоубедительные. МИД РК в этой связи указывал на достаточность положений действующего Соглашения о защите классифицированной информации²⁴. Можно предположить, что южнокорейцы намеренно старались оставить «договорные пробелы», которые бы давали возможность РК интерпретировать в нужную ей сторону договоренности об использовании технологической документации в каждом конкретном случае. В итоге, Москве так и не удалось убедить Сеул в важности заключения данного документа, хотя он мог сыграть положительную роль в вопросах передачи технологий и организации совместных НИОКР.

В сентябре 2004 г. президент РК Но Муён в ходе пребывания в Москве получил от

²² Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 883. Оп. 12. Папка 29. Д. 11. Л. 68.

²³ Там же. Л. 64.

²⁴ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 883. Оп. 15. Папка 38. Д. 4. Л. 20-21.

президента России В.В. Путина на рассмотрение проект меморандума о взаимопонимании по вопросам ВТС на период после завершения проекта «Бурый медведь-2». Попытки в апреле 2005 г. в ходе переговоров министров обороны России и РК форсировать проработку этой темы, а также последующие усилия по линии МИД РФ с целью побудить южнокорейцев ускорить процесс согласования текста этого документа²⁵ нужного Москве результата не дали.

Меморандум был подписан только в декабре 2007 г. В нем были зафиксированы так и не осуществленные в последующем намерения о подготовке новой пятилетней Программы развития ВТС между РФ и РК. Настойчивость России в вопросе включения в нее перечня готовых военных изделий и откровенного стремления РК ограничиться получением только технологий завело переговорный процесс в тупик. МИД России в отношении препятствий для подготовки этого документа указывал в 2009 г., что «работа по принятию программы тормозится корейской стороной, которая, по существу, отказывается от закупок финальной ПВН, делая ставку лишь на взаимодействие в области НИОКР»²⁶. В итоге, сторонам так и не удалось сблизить позиции [10, р. 115].

Результаты состоявшегося в марте 2021 г. 4-го заседания Российско-южнокорейского стратегического оборонного диалога на уровне заместителей министров обороны продемонстрировали, что отношения между двумя странами «стабильно партнерские»²⁷, а это, в свою очередь, позволяло надеяться на постепенное изменение ситуации в сторону нахождения взаимоприемлемых вариантов договорно-правового оформления дальнейшего ВТС. В феврале 2022 г., однако, Сеул присоединился к антироссийским санкциям

²⁵ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 883. Оп. 16. Папка 42. Д. 6. Л. 10.

²⁶ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 883. Оп. 20. Папка 56. Д. 8. Л. 67-68.

²⁷ Асмолов К.В. К визиту в Сеул главы МИД России // Новое восточное обозрение. 08.04.2021. URL: <https://journal-neo.su/ru/2021/04/08/k-vizitu-v-seul-glavy-mid-rossii/> (дата обращения: 21.05.2025).

коллективного Запада и был включен в список недружественных России государств, что привело к заморозке военно-политических связей между РФ и РК.

ВЫВОДЫ

Начало в 2022 г. специальной военной операции на Украине показало, что имевшаяся определенная стабильность в двусторонних военно-политических отношениях между Россией и Южной Кореей отнюдь не означала их прочности.

Военно-политический диалог опирался на во многом устаревшую договорно-правовую базу. Взаимодействие по военной линии ограничивалось меморандумами, декларировавшими общие намерения сторон. Появление в 2021 г. Соглашения о сотрудничестве в области обороны на эту ситуацию существенным образом не повлияло.

Военно-технические связи между двумя странами выстраивались на основе Межправсоглашения о ВТС от 1997 г. В прошедший с тех пор почти тридцатилетний период документ не актуализировался. Более того, южнокорейцы в течение более 20 лет успешно уклонялись от заключения таких документов в сфере ВТС, как Соглашение о взаимной охране прав на результаты интеллектуальной деятельности, без которых невозможно выстраивать доверительное сотрудничество. Фактически, Сеул сделал все, чтобы не связывать себя обязательствами в области применения и распространения полученных от РФ технологий.

Договорно-правовой фундамент военно-политических отношений не содержал договоренностей по достижению обоюдно значимых долгосрочных целей как в области укрепления национальной обороноспособности, так и в сфере решения региональных проблем безопасности. Соглашений на 2022 г., предусматривавших осуществление проектов ВТС либо реализацию совместных инициатив в сфере безопасности, из-за нарушения которых Сеул мог понести репутационные издержки или реальный ущерб в области военного строительства, не имелось. Контакты по военной линии на всех уровнях и обсуждение перспектив ВТС были заморожены, а российско-южнокорейский оборонный диалог в целом был выведен РК на периферию приоритетов в военно-политической области.

Возможности возобновления связей по военной линии между РФ и РК остаются в случае прекращения Сеулом недружественной России политики. Соглашение о сотрудничестве в области обороны может стать основой для рестарта военно-политических контактов, в особенности, для перезапуска ранее действовавших консультационных механизмов. В то же время перспективы качественного углубления двусторонних военно-политических отношений появятся при условии изменения Южной Кореей вектора военно-политического развития в сторону большей самостоятельности и появления с ее стороны твердой заинтересованности в создании договорно-правовой базы, которая бы формировала общие с РФ долгосрочные ориентиры взаимовыгодного сотрудничества в данной сфере.

Список источников

1. «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы / под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова, Е.В. Колдуновой. Москва: Аспект Пресс, 2023. 256 с. <https://elibrary.ru/aeprwym>
2. Дьячков И.В. Российско-южнокорейские политические отношения: краткий исторический обзор // Россия и Корея: добрые соседи: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 30-летию установления дипломатических отношений между СССР/Российской Федерацией и Республикой Корея: в 2 ч. Москва: Аванлайн, 2020. Ч. 1. С. 36-45. <https://elibrary.ru/kwirct>

3. Санжиев А.А. Военно-техническое сотрудничество России и Республики Корея // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 8. С. 52-54. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2005-8-52-54>, <https://elibrary.ru/hscjzx>
 4. Курбанов С.О. «Договор об основах отношений Российской Федерации и Республики Корея» от 19 ноября 1992 г. и его значение для развития российско-южнокорейских отношений // Вестник Центра корейского языка и культуры. 2016. № 17. С. 104-106. <https://elibrary.ru/wjydfb>
 5. Kwak Tae-Hwan, Joo Seung-Ho. Military cooperation between Russia and South Korea // International Journal of Korean Unification Studies. 1999. Vol. 8. P. 147-177.
 6. Торкунов А.В., Толорая Г.Д., Дьячков И.В. Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.). Москва: Просвещение, 2021. 448 с. <https://elibrary.ru/gwmrov>
 7. Ahn Se Hyun. Understanding Russian – South Korean arms trade. A nontraditional security approach? // Armed Forces & Society. 2009. Vol. 35. Issue 3. P. 421-436. <https://doi.org/10.1177/0095327X08330817>
 8. Бевеликова Н.М., Кочнов Д.И. Правовая модель двусторонних отношений Республики Корея и Российской Федерации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 3. С. 465-472. <https://elibrary.ru/ugwfyh>
 9. Kim Jeonggi. Dongbuga shinneanjeon torae sok saereoun HanRo kwange paljeon panghyang moseak // 2021 RUSSIA REPORT [Ким Джонги. Поиск направлений развития южнокорейско-российских отношений в условиях наступления новой холодной войны в СВА] // Hanguk oegugoe geo daehakkkyo Rossi a yeonguso. 2022. P. 131-132. URL: <https://rus.or.kr/file/download/6277?view=1> (accessed: 24.04.2025).
 10. Yoo Yeongchol. Hangugeo ui daeryeo gunsa oegyo. Gukbang jeongchaek yeongu, 2007 nyeon bom [Ю Ёнчхоль. Военная дипломатия Республики Корея в отношении России. Исследование оборонной политики. Весна 2007 г.] // Hanguk Gukbang Yeonguwon. 2007. P. 95-119.

References

9. Kim Jeonggi. (2022). Dongbuga shinneanjeon torae sok saereoun HanRo kwange paljeon panghyang moseak. *2021 RUSSIA REPORT. Hanguk oegugoe geo daehakkyo Rossi a yeonguso*, pp. 131-132. (In Korean) URL: <https://rus.or.kr/file/download/6277?view=1> (accessed: 24.04.2025).
10. Yoo Yeongchol. (2007). Hangugeo ui daeryeo gunsa oegyo. Gukbang jeongchaek yeongu, 2007 nyeon bom. *Hanguk Gukbang Yeonguwon*, pp. 95-119. (In Korean)

Информация об авторе

Малолетко Алексей Владимирович, научный сотрудник исследовательской лаборатории «Центр японских, корейских и монгольских исследований», помощник проректора ректората, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0009-0005-5995-6474>
al2628319@gmail.com

Поступила в редакцию 29.07.2025
Одобрена после рецензирования 13.10.2025
Принята к публикации 20.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Alexey V. Maloletko, Research Scholar of the Research Laboratory “Center for Japanese, Korean and Mongolian Studies”, Assistant to the Vice-Rector of the Rector’s Office, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

<https://orcid.org/0009-0005-5995-6474>
al2628319@gmail.com

Received 29.07.2025
Approved 13.10.2025
Accepted 20.11.2025

The author has read and approved the final manuscript.